

було одним із найважливіших питань, якщо не найважливішою операцією у процесі осмислення архаїчною людиною. Моделі „своє – чуже”, як основна міфологема була першою, яку створила людина, Вона полягала в протиставленні себе й свого колективу навколишньому космосу. Людина відчувала себе частиною світу природи, проте, „чужий світ” був деякою мірою небезпечний, ворожий, тому необхідним було мисленнєве й емпіричне протиставлення його світу „своєму”. В архетиповій моделі світу опозиція „живий – мертвий” є варіантом протиставлення „той, який належить до свого світу” – „той, який належить до чужого світу”. Протиставлення „свого” й „чужого” інтерпретується також і в аксіологічному плані – у вигляді опозицій „добрий – поганий” з негативною оцінкою всього, що належить до чужого світу. Картина світу сучасної людини дуже відрізняється від архаїчної, проте роль архетипного протиставлення „свого” й „чужого” залишається великою, що знаходить своє відображення у фактах мови і мовлення: нім. *in einem anderen Welt leben (sein)* – укр. *жити в іншому світі (не цікавиться життєвими проблемами)* [8, с. 618]; нім. *nicht von dieser Welt sein* – укр. *бути не з цього світу* [8, с. 619]. Виникненню протиставлення „вперед – назад” сприяє насамперед уявлення про циклічність часу, повторення подій, а також розвиток уявлень про богів, які вмирають і воскресають, про вічне оновлення природи. Існує велика кількість космологічних міфів, у сюжетах яких розповідається про постійний кругообіг людського буття, про колесо існування. У міфі круг, як відомо, характерний як для часу, так і для простору. Для міфологічного часу також характерна ізотропність у зворотньому напрямку. У міфологічних сюжетах це знаходить своє вираження в описі подорожей у світ мертвих. На основі таких космологічних уявлень, протиставлення „вперед” і „назад” інтерпретується у вигляді опозицій „добре – погане”; „вперед” є з позитивною семантикою, „назад” – з негативною, відображення цього спостерігаємо й у мові: нім. *im Vordergrund stehen* – укр. *знаходиться на передньому плані*; *stehen (formal) na perшому місці* [8, с. 600]; нім. *Im Hintergrund bleiben* – укр. *залишатися у на задньому плані, у тіні* [8, с. 600].

Висновки та перспективи подальших розвідок. Дослідження проаналізованих ФО продемонстрували, що у фразеології знаходять відображення ті поняття, які були пов’язані з архетиповими космологічними уявленнями. Таким чином, між міфологічним світосприйняттям та мовою існує зв’язок, що виявляється у відображенні космологічних архаїчних уявлень людини у ВФ ФО. Перспектива дослідження полягає в подальшому встановленні закономірностей і характеру відображення екстралінгвістичних реалій у ВФ ФО.

Література

1. Бабаева А. В. Формы поведения в русской культуре (IX – XIX века). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 135 с.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Свенцидиковой И. С. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
3. Гавриш В. І. Сталі сполучення слів у сучасній німецькій мові (походження та вживання) – К.: Радянська школа, 1971. – 247 с.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – 44 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-415, с.396
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – М., 1996. – 296 с.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1995. – 407 с.
8. НРФС: Немецко-русский фразеологический словарь. / Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. – М.: Русский язык. – 1975. – 656 с.
9. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М, 1988. – С. 173-203.
10. Успенский Б. А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема. – М., 1989. – 158 с.

Михайлова А. Г.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Современные подходы к теории перевода многочисленны и разнообразны, они освещают проблемы целей и задач перевода, способов передачи информации, формы и содержания текстов оригинала и перевода, культурологические и психологические особенности данного процесса. В настоящее время наблюдается изменение научной парадигмы – системноцентрическая лингвистика отступает, освобождая место психологическим и когнитивным исследованиям. Соответственно, перевод рассматривается как глобальное явление в сфере межкультурного общения. Термин перевод понимается сейчас как “процесс постоянной взаимной интерпретации знаков”. Культура представляет собой результат интерпретации системы знаков, а межкультурная коммуникация – это взаимоперевод знаков различных культур. С когнитивной точки зрения, перевод является первичным и центральным по отношению ко всем остальным аспектам жизнедеятельности людей, находящихся в процессе межкультурной коммуникации. Очень важно понимать когнитивные способности человека как “совокупности механизмов, обеспечивающих создание интегративных структур, операционально связывающих когнитивные структуры исходного и переводного языков”. Перевод не просто посредник между двумя языковыми системами, а особый когнитивный процесс [1].

Исследования действия психологических механизмов в процессе понимания билингвом иноязычного текста основываются на том, что интерферентные ошибки импрессионного вида служат показателем влияния установки как целостного модуса состояния личности. “Интерференция” – разноязычные смешения в речи в условиях преднамеренного изучения второго языка, когда нет непосредственного контакта с носителями языка и освоение, происходит в искусственно созданной для этой цели обстановке.

Интралингвистическими причинами интерференции являются полные и частичные расхождения в системе языков и языковых структур. Сходство языковых единиц двух языков на различных уровнях также провоцирует интерферентные ошибки. Существуют также и психологические причины возникновения интерферентных ошибок. Считаем важным определить такие причины.

Понимание текста осуществляется на основе представлений, которые составляют основное содержание «прошлого опыта» субъекта и являются формой отражения действительности в обобщенном виде. Представления национально маркированы, т. к. в них отражаются психологические особенности субъекта, происходящие из образа и стиля жизни, мировоззрения, социальной среды и общекультурной подготовки. Функционирование экстралингвистических установок объясняет модификацию социального опыта в речевых действиях субъекта. Идентификация референтов и построение адекватной преференциальной среды происходит на основе опосредованных экстралингвистическими установками представлений. Сферой действия экстралингвистических установок является этап актуализации денотатов и их трансформации в референты. На этапе актуализации денотатов возможно, их несоответствие той референциальной

среде, в которую они были отнесены. В этом случае наблюдается непонимание или квазипонимание воспринимаемого иноязычного текста. Неадекватное отражение этнопсихолингвистических отношений между референтами ведет к недопониманию. Исследование функционирования экстралингвистических установок возможно на основе анализа действий интеркультурной интерференции. Для этого используется диалингвострановедческий метод. Он основывается на сопоставлении фрагментов действительности, описываемых различными языковыми единицами, в результате которого выявляются обладающие национально-культурной семантикой единицы. Они являются конститuentами поля интеркультурной интерференции. Специально подобранные тексты, содержащие интерферентные зоны, декодируются билингвами. Анализу подвергаются типичные ошибки, допущенные при понимании национально-маркированных языковых единиц. Подобный подход, примененный в исследовании лингвистической интерференции, обеспечивает описание взаимосвязанных явлений в одних и тех же терминах [2].

Сопоставление компонентов вербальной и невербальной коммуникации двух языков выявляет следующие зоны интеркультурной интерференции: поведенческие, пространственно-кинестические, перцептивные, этнографические, бытовые, культурные, национально-темпоральные.

В потенциальное поле интеркультурной интерференции входят денотативные и коннотативные реалии. К числу первых относятся проклемы, кинемы, мимемы, безэквивалентная лексика, литературные, фольклорные и т.п. аллюзии. К числу вторых – фоновая лексика, метафоры, сравнения, метонимия и т.д. Диффузность приобретенной экстралингвистической установки билингва является причиной непонимания иноязычного текста, содержащего национально-маркированные единицы. Недифференцированность двух экстралингвистических установок лежит в основе недопонимания и квазипонимания.

Следует отметить, что в отечественной литературе есть огромное количество публикаций по проблемам текста и его понимания. Анализируя различные исследования, считаем необходимым рассмотреть возможные пути разработки комплексной теории текста и его понимания. С одной стороны, исследователь и текст могут объединяться в рамках единой системы – в этом случае текст существует только в диалоговом режиме с читателем и интерпретатором, с другой стороны – текст рассматривается как спонтанное самодвижение энергии, функционирующее по своим законам и в соответствии со своими целями вне зависимости от автора или читателя.

Так, например, анализируются различные подходы к проблеме понимания. А. А. Залевская выделяет следующие: логико-лингвистический (понимание как аргументативный анализ), системно-семиотический (понимание как перевод), герменевтический (понимание как пробуждение рефлексии), когнитивный (понимание как построение ментальной модели), психолингвистический (понимание как построение проекции текста), подход с позиций психопозитики [3].

Системно-семиотический подход разрабатывает новый концептуальный аппарат, способный объяснить общие механизмы и особенности межкультурного языкового развития, и семиотическую модель межкультурного развития. В качестве основного механизма межкультурного общения рассматриваем семиоперевод, обосновывая концепцию перевода как бесконечной интерпретации знаков и как центрального момента общения в любых проявлениях последнего. Перевод понимается как ментальная интерпретативная деятельность. Рассматриваем эгоструктуру личности как коммуникативный акт – взаимодействие знака, объекта и интерпретанты.

Лингвокультурологический аспект и проблема понимания рассматривается в монографиях Л. А. Шкатова и Г. В. Харченко [4].

В межкультурной коммуникации в момент преодоления межкультурных границ понятия «родной (свой)» и «чужой» чередуются. При этом в монокультурной коммуникации связь между имеющимся новым опытом, получаемым в процессе общения, служит когнитивной базой для формирования связи между ними, позволяет избежать коммуникативной неудачи. В рамках межкультурной коммуникации несовпадение индивидуальных когнитивных пространств часто приводит к межкультурным конфликтам. Цель данной статьи – определить причины возникновения трудностей в процессе понимания инокультурного текста и найти подходы к решению данной проблемы. В этой связи актуальными представляются сопоставительные исследования, направленные на выявление трудностей, возникающих в процессе понимания инокультурного текста.

В рамках нашего исследования мы рассмотрели на конкретном языковом материале реализацию концептов «тревожность», «глобализация» и «человек» как наиболее емко отражающих специфику англо-русской межкультурной коммуникации. Способы выражения концепта «тревожность» мы исследуем на материале английских и русских газетно-публицистических текстов. Проведенный сопоставительный анализ показал, что такие проблемы, как терроризм, здравоохранение и проблемы молодежи, вызывают тревожность у представителей как русской, так и других культур. Во многих случаях способы выражения концепта «тревожность» совпадают, что указывает на совпадения в данных культурах. Однако частотность употребления лексики с тем или иным эмоциональным оттенком варьирует в зависимости от особенностей национального менталитета. Значительно варьирует и содержательная сторона концепта «тревожность», что объясняется формированием этого концепта в различных социальных контекстах и его обусловленностью национальной картиной мира.

Относительно концепта «глобализация» нами было установлено, что в обоих языках имеется примерно равное количество языковых знаков, отображающих данный концепт, но их подборка различается. В английском языке лексические единицы, репрезентирующие концепт «глобализация», указывают на результаты глобализации (утрата индивидуальности, разрушение самобытных культур и др.), т.е. в центр ставятся проблемы общечеловеческого значения, проблемы морали и человеческих ценностей. Эти слова несут как положительную, так и отрицательную оценочность. Представителей русской культуры, как показывает языковой материал, больше волнует, где будет концентрироваться власть нового мирового государства. Кроме того, отмечено, что все лексические единицы, составляющие данный концепт, в сознании россиян имеют отрицательную коннотацию.

Концепт «человек» как ключевой концепт любой культуры рассматриваем в тесной связи с концептами «личность», «судьба» и «жизнь» на примерах из произведений и их переводов. Отмечается десемантизация слова судьба, и важнейшим результатом этого процесса оказывается его сближение со словом «жизнь». Следует отметить, что преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Для этого необходимо преодолеть барьер культурный, базирующийся на основных когнитивных процессах.

Предложенный анализ проблематики англо-русской межкультурной коммуникации позволяет представить ее как совокупность ценностей и ментальных характеристик. Особое внимание обращено на то, что человек играет активную роль в познавательном процессе и толерантно относится к локальным культурам.

Для решения поставленной проблемы считаем необходимым провести исследование и в рамках сопоставительной лингвокультурологии. В качестве языкового материала для анализа используется американский вариант английского языка, которому удалось на основе «чужого» в короткие сроки создать «свое» и стать «своим» для других культур в период всеобщей глобализации. За короткий исторический срок американский английский распространился на огромных территориях и претендует на роль глобального языка в процессе межкультурной коммуникации. Отмечается, что языковая глобализация становится возможной благодаря сложному процессу интеграции многих языковых культур. Американская культура и язык оказались в благоприятных условиях концентрации традиционного наследия, легко превращая его в «свое» и возвращая по-американски в упрощенно-грубоватой форме стереотипов массовой культуры.

Лингвокультурная ситуация во многом определяет менталитет нации, важной частью которого является набор ценностей, отражаемый в языке и культуре. Основные характеристики американской лингвокультурной ситуации включают: названия продуктов питания, культуру питья и названия напитков, отношение к дому, моду, деньги, прозвища, гиперболизацию своих достижений. Перечисленные составляющие американской лингвокультурной ситуации не дают полной ее картины, но показывают главные направления превращения американского варианта английского языка и культуры в глобальные понятия. Проблемы в процессе межкультурной коммуникации возникают также в связи с трудностями ориентации в системе «чужих» ценностей. Одни и те же ценности, имеющиеся как в родной, так и в иной культуре, могут пониматься по-разному, или отношение к ним может быть разным. Для иллюстрации этого положения рассматриваются такие составляющие американской системы ценностей, как свобода, индивидуализм, предприимчивость. В целом набор американских ценностей является привлекательным не только для американцев, а современные возможности коммуникации и массовой культуры превращают их во всеобщие.

В рамках нашего исследования мы также рассмотрели вопросы, связанные с проблемой соотношения языка, национального сознания и национальной идентичности. В лингвистике заметно оживился интерес к этнолингвистической проблематике. Интенсивное развитие когнитивной лингвистики на новом уровне ставит проблему соотношения языка и сознания, в том числе национального языка и национального сознания. Последнее время все большее распространение получило понятие «языковое сознание» как компонент когнитивного сознания, заведующий механизмами речевой деятельности человека.

Кроме того, следует отметить, что коммуникативные категории, формирующие национальное коммуникативное сознание, обладают национальной спецификой. Так, коммуникативные категории западного англоязычного мира, например Small talk (жанр светского разговора на общие темы), privacy (приватность, неприкосновенность личности), лакуны для русского коммуникативного сознания [5]. Вместе с тем такие русские коммуникативные категории как *общение, разговор по душам, выяснение отношений* отсутствуют в коммуникативном сознании других народов.

Анализируя функционирование и взаимодействие языков в современном мире мы обнаружили специфику языкового сознания представителей разных лингвокультурных общностей в гендерном аспекте. Анализ результатов включает несколько этапов:

- установление варьирования эмоциональной оценочности в реакциях респондентов в зависимости от пола и гендерного типа;
- выявление экстралингвистических знаний методом установления лакун;
- исследование диалогического режима в реагировании русских и американцев;
- моделирование образа современных носителей русского и американского языков как гендерных языковых личностей.

Как у русских, так и у американских мужчин наблюдается употребление слов с меньшей, чем у женщин, эмоциональной индексацией при передаче эмоционального состояния или оценки предмета. В реакциях мужчин присутствует больше интенсификаторов (очень близкие люди), квалификативов (яркий свет) и т.д. Отмечается большая эмоциональность в ассоциативном поведении русских.

Гендер можно представить как социокультурный, дискурсивный и психолингвистический феномен, который должен быть учтен (как комплекс базовых ассоциаций) в любых формах межкультурных контактов, и прежде всего в процессе перевода. Гендерное «мировидение» не является всеобщим; напротив, разброс представлений в различных языках весьма значителен, из чего вытекает необходимость соблюдения гендерно-культурологических особенностей языка оригинала и приведение их в соответствие с гендерно-культурологическими особенностями перевода.

Гендерные особенности в языке проявляются и на уровне системы, и на уровне употребления. В системе – это разного рода асимметрии, распространение принципа «включенности», семантические лакуны. На уровне употребления – это массовые (или индивидуальные) предпочтения, определяемые совокупностью культурных, социальных факторов [6].

Язык, являясь системой символизации опыта и сокровищницей недостаточно изученных сведений, отражает и закрепляет в своих единицах определенные связи и отношения между реалиями. Исследуя содержательную природу категории рода, различные способы представления гендерных отношений, можно получить представление об элементах языковой картины мира. То есть лингвистические исследования, в том числе гендерные, могут способствовать расшифровке того, что называют культурными и социальными кодами цивилизации – с принятыми в ней системами ценностей, норм, стереотипов восприятия.

Таким образом, выявленные нами трудности, возникающие в процессе понимания инокультурного текста, могут быть устранены различными подходами. Так системно-семиотический подход разрабатывает новый концептуальный аппарат, который способен объяснить общие механизмы и особенности межкультурного языкового понимания. Кроме того, специфику языкового сознания, на наш взгляд, необходимо рассматривать и в гендерном аспекте.

В заключении отметим, что фундаментальная значимость взаимосвязи языка и культуры наглядно проявляется при анализе межкультурной коммуникации и перевода. Следует учитывать базовые различия фоновых знаний, составляющих специфику национальных культур коммуникантов, специфику, которая может вылиться в конфликт на межэтнической почве. Необходимо сосредоточить внимание на конкретных сопоставлениях языкового поведения

комунікантів,приналежачих різним культурам. Исследование языковых закономерностей обнажает общие места и различия в культурных парадигмах, представляющие интерес не только для филологии, но и для других гуманитарных наук.

Бібліографічний список

1. Раренко М. Б. Когнитивная и языковая способность как детерминанта перевода //Языкознание. – М.: Иннон РАН, 2005. – С. 71.
2. Кузнецов А. М., Пешкова Н. П. Типология научного текста: психолингвистический аспект //Языкознание. – М.: Иннон РАН, 2003. – С. 107.
3. Герман А. И., Залевская А. А. Текст и его понимание //Языкознание. – М.: Иннон РАН, 2002. – С. 30.
4. Шкатова Л. А., Харченко Е. В. «Свое и чужое»: межкультурные коммуникации в полипарадигмальном аспекте. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. – С. 185.
5. Лузина Л. Г. Язык и национальная идентичность //Языкознание. – М.: Иннон РАН, 2005. – С. 74.
6. Горбачевская С. И. Фундаментальные аспекты прикладных лингвистических исследований //Языкознание. – М.: Иннон РАН, 2004. – С. 74.
7. Клименко О. К., Ласкова М. В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики //языкознание. – М.: Иннон РАН, 2002. – С. 108.

Мозговий В. І.

ОСВОЄННЯ ЧИ СИСТЕМНА АДАПТАЦІЯ? ДО ПРОБЛЕМИ ПЕРЕДАЧІ ВЛАСНИХ НАЗВ ІНШОМОВНОГО ПОХОДЖЕННЯ

Загальновідомо, що власні назви (ВН) – лише в другу чергу категорія лінгвістики. У першу чергу – це явище соціальне, яке впливає на зміст буття, соціальні або політичні колізії держави, дії і вчинки конкретних суб'єктів. Це продемонструвала ситуація по відношенню до власних назв в Україні (і не тільки в Україні!), що склалася після проголошення її незалежності.

Річ у тім, що більшість ВН за часів СРСР юридично існувала в російському варіантному оформленні. Як вони функціонували в українському чи іншому середовищі цікавило хіба що вчених-лінгвістів. Проте ця наукова абстракція перетворилася в гостру практичну проблему, коли ВН стали виконувати забуті, але цілком природні для них соціальні функції, пов'язані з національною, ставевою, географічною або історичною ідентифікацією конкретної особи, держави чи будь-якої адміністративної одиниці. Згадайте хоча б нещодавні вибори в Україні у 2006 році, на яких вирішили користуватися українською антропонімічною базою. Політики зі здивуванням виявили, що “переклад” власних назв призвів до часткової втрати електорату, а “правила” щодо написання звичайних слів для пропріальних імен у реальній юридичній і соціальній практиці не діють.

Сьогодні вже не тільки адміністративні, державні й політичні органи, а й кожний громадянин почали замислюватися над буттям “своїх” імен. Усе сильніше чути незадоволені голоси громадськості про несправедливе “переручування” топонімів і антропонімів іншомовного походження (яких у багатонаціональній Україні більшість). *Анни* не хочуть бути *Ганнами*, *Пікіни* – *Пікшними*, *Мясоедовы* – *М'ясойдовими*, *Миколи* – *Ніколяями*, а *Миколівни* – *Миколаївними*. Не зовсім зрозумілі для більшості паралельні варіантні форми вживання ойконімів типу *Николаев* (рос.) – *Миколаїв* (укр.), *Никитовка* (рос.) – *Микитівка* (укр.), *Столбовое* (рос.) – *Стовпове* (укр.), *Горловка* (рос.) – *Горлівка* (укр.) або *Константиновка* (рос.) – *Костянтинівка* (укр.).

І таких “мовних гомункулів” безліч у кожному з регіонів України. У сфері політики щодо власних назв ми відступили майже на два століття назад. Для нас знову стали актуальними проблеми Росії початку ХІХ століття, пов'язані з передачею іншомовних власних назв.

“До сего времени, – писав, наприклад, І. Бічурін, – в русских журналах и газетах китайские слова тонически были перелагаемы на русский язык весьма далеко от подлинного их произношения, отчего переводные статьи о Китае, по неизвестности собственных имен, оставались даже и для синологов недоступны, а читатели по заглавию только знали, что они читают статьи о Китае” [1, с. 617]. Ще категоричніше висловлювався з цього приводу І. Рильський: “Географические учебники, по большей части переделываемые с немецких, наполнены искажениями имен городов и местечек славянских; если бы хоть в скобках ставили настоящее имя, как оно произносится там славянскими туземцами, например *Лемберг* (*Львов*), *Аграм* (*Загреб*), *Эссек* (*Осек*) и т.д., но и того нет! Славянский мир, начинающий занимать любопытство всей Европы, остается совершенно неизвестным нашему юношеству, поучающемуся из учебных книжек всякого рода ошибкам историческим и географическим” (цитуються за статтею Я. Грота [6, с. 619]).

Ось чому ще в той час офіційний документ вимагав дотримуватися норм передачі іншомовних власних назв: “Параграфом 87-м Высочайше утвержденного окончательного Устава Общества, состоящему при Совете редакционному комитету вменяется в обязанность, между прочим, наблюдение за сохранением в изданиях Общества единства правописания в собственных именах географических” [5, с. 175].

Цілком логічно, що подібна комісія має бути створена і в сучасній Україні (назвемо її умовно Комісією зі стандартизації власних назв). Проте її створення – це найпростіший формальний акт, якому має передувати титанічна робота спеціалістів у цій сфері: мовознавців, географів, істориків, соціологів і етнографів. Інакше постійний дослідницький процес зі стандартизації закінчиться проголошенням адміністративного циркуляра щодо обов'язкових “правил” вимови і написання актуальних на сьогодні власних назв. При цьому ніхто не буде замислюватися над тим, що кожне ім'я – це чиясь власність, у якому зосереджена найістотніша й найточніша інформація про унікальний об'єкт, а отже, невміле користування правилами орфографії або орфоепії може призвести до руйнування і імені, і самого денотата, і, власне, національної історії (як це сталося з перейменуванням Маріуполя на Жданов, Луганська на Ворошиловград або “перекладом” Нікитського ботанічного саду на Микитський).

Не можна перетворювати *Чернухіне* (від істор. *чернь*) у *Чорнухіне* (Луганська обл.), *Красне Поле* (від істор. *красиве*) у *Червоне Поле* (Запорізька обл.), *Горловку* (на честь російського гірничого інженера Горлова) у *Горлівку* (Донецька обл.), *Красне і Победне* у *Червоноє і Переможноє* (Автономна Республіка Крим), як не можна із *Анни Кареніної* робити *Ганну*, із *Ніколя Баскова* – *Миколу*, *Владимира Путіна* – *Володимира* і, навпаки, із *Миколи Хвильового* – *Ніколя* чи з *Миколівни* – *Ніколаєвну*. Будь-які правила треба співвідносити з адресною або інформативною функціями власної назви: рос. *Святогорск* – укр. *Святогірськ* (чергування [о] з [і] підкреслює інформацію про Святі **гори**), але рос. *Углегорск* – укр. *Вуглегорськ* (чергування неможливе, бо в цьому випадку власна назва несе інформацію про рос. *город*);